

УДК 821(47)-7

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-70-81

Поэтика сентиментализма в творчестве М.М. Зощенко

Бао Тинтин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, btt4896@gmail.com*

Аннотация. «Сентиментальные повести» – это книга о борьбе «маленького человека» за свое существование в период НЭПа. Проза строится как «мозаика цитаций», в которой явно ощутимы следы классической традиции, в частности интертекстуальная связь с сентиментализмом. Цель работы: посредством метода интертекстуального анализа исследовать, как Зощенко трансформирует традицию сентиментальной литературы и какие функции выполняют интертексты. В результате исследования сделаны следующие выводы: «Сентиментальные повести» в целом есть вариация на тему сентиментализма. Идиллические элементы сентиментализма для писателя стали средством философского осмысления бытия человека на переломе эпох. Зощенко трансформирует мотивные, сюжетные реминисценции из сентиментализма, помещает их в свою современность, чтобы продемонстрировать огромные различия между старой и новой эпохами. Сквозь названия повестей звучит сентиментализм самого автора, его сопереживание и сочувствие к своим героям. Кроме того, тема разрушения идиллии имеет некий антиутопический, точнее говоря, антиидиллический оттенок, который проявляется в двух направлениях – в конфликтах «личности и общества» и «техники и искусства».

Ключевые слова: сентиментализм, идиллический хронотоп, интертекстуальность, антиутопия, «Сентиментальные повести», М.М. Зощенко

Для цитирования: Бао Тинтин. Поэтика сентиментализма в творчестве М.М. Зощенко // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 70–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-70-81

© Тинтин Бао, 2022

The poetics of sentimentalism in the work of M.M. Zoshchenko

Bao Tingting

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,

btt4896@gmail.com

Abstract. “Sentimental Tales” is a book about the struggle of a “little man” for existence during the NEP period. The prose demonstrates a “mosaic of quotations” in which classical tradition is clearly discernible, specifically, the artistic intertextuality of sentimentalism is particularly strong. The author uses the method of intertextual analysis to study how Zoshchenko transforms the tradition of sentimental literature and what functions the intertexts perform. Following the study he concludes that “Sentimental tales” as a whole is a variation on the theme of sentimentalism. Elements of idyll became a means of philosophical comprehension of human existence at the turn of time for the writer. Zoshchenko transforms the motive and plot reminiscences from sentimentalism, and puts them in his time in order to demonstrate a hard distinction between the old and new eras. Through the titles of the stories there runs author’s sentimentalism as well as his empathy and compassion for the characters of his works. Besides the theme of the destruction of idyll have a kind of connotation of anti-utopia manifested in two directions – the correlation between “Personality and Society” and “Technology and Art”.

Keywords: sentimentalism, idyllic chronotope, intertextuality, anti-utopia, “Sentimental Tales”, M.M. Zoshchenko

For citation: Tingting, Bao (2022), “The poetics of sentimentalism in the work of M.M. Zoshchenko”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 70–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-70-81

Введение

«Сентиментальные повести» – это книга о борьбе «маленького человека» за свое существование в период НЭПа. Проза строится как «мозаика цитаций», в которой явно ощутимы следы классической традиции, в частности интертекстуальная связь с сентиментализмом. Сентиментальный элемент в прозе Зощенко обычно интерпретируется с двух точек зрения: пародии на сентиментальное переживание интеллигентов, подобные толкования представлены в работах М.О. Чудаковой, Б.М. Сарнова, Г.А. Белой, Ц.С. Вольпе. Либо сочувствия автора к своим интеллигентам,

вклад в эту сторону внес И.Н. Сухих. Однако эта проблема еще остается малоизученной. В настоящей статье посредством метода интертекстуального анализа разберемся во второй интерпретации, цель работы также состоит в том, чтобы исследовать, как Зоценко трансформирует традицию сентиментальной литературы и какие функции выполняют интертексты.

Идиллический хронотоп сентиментализма

Под сентиментализмом мы будем понимать не столько литературное направление, ориентированное на культ чувства индивидуума, сколько *художественную модель, основанную на идиллическом хронотопе и его модификациях*, см. [Иванов 1996, с. 81].

Хронотоп идиллии, согласно М.М. Бахтину, определяется тремя особенностями: 1) единством места и циклической ритмичностью времени; 2) строгой ограниченностью основными немногочисленными реальностями жизни; 3) сочетанием человеческой жизни с жизнью природы, см. [Бахтин 1975, с. 374–375]).

Элементы идиллического хронотопа унаследованы и трансформированы в литературе сентиментализма.

М.М. Бахтин полагает, что влияние идиллии на сентиментализм руссоистского типа частично проявляется в философской сублимации элементов комплекса – природа, любовь, семья, деторождение и смерть, см. [Бахтин 1975, с. 377–378]. Преемственность между идиллической традицией и сентиментальной литературой более тонко и конкретно отмечает М.В. Иванов: «Генетически сентиментализм восходит к идиллическому хронотопу» [Иванов 1996, с. 81].

Основываясь на этих взглядах, мы попытаемся проанализировать поэтику сентиментализма в переосмыслении Зоценко, в прозе которого идиллический хронотоп сентиментализма занимает доминирующее место.

Основным пространственным уровнем идиллического хронотопа является *дом*, включающий в себя символические семантики – *микрокосмос, гармонию, защиту*. Однако в повестях Зоценко разворачивается картина постепенного лишения героев своего дома, покоя, достоинства.

В «Мишеле Синягине» революция мешает герою и его семье переселиться в новокупленное имение «Затишье», близкое к природе и покою. Уже в самом начале повести можно заметить намеки на разрушение идиллического пространства, в этот се-

мейно-родственный мирок врывается чужеродная сила (брак Мишеля с Симочкой), что угрожает его сохранности, кончина матери, отъезд Марьи не были случайны. Последующее рождение ребенка Симочкой предлагает возможность построить новую идиллическую семью, но переезд Мишеля из деревни (Псков) в город (Петербург) означает провал этой попытки.

В городе у Мишеля нет своего дома (комната Мишеля была занята неизвестным безработным), он затерян в пространстве большой группы, интимная жизнь стала объектом наблюдения со стороны, человеческая автономия разрушена: «Уже все жильцы в квартире видели и знали, как обстоят дела Мишеля...»¹. «Родной дом, семья, предки – это корень, из которого вырастает величие и достоинство человека, его мужество и способность обрести вечность» [Иванов 1996, с. 92–93], не имеющий нормального дома/семьи Мишель теряет базовые условия для приобретения стабильной жизни и достоинства.

Аналогичная ситуация есть в повести «Люди». Спокойная сельская жизнь, природный пейзаж, усадьба организуют гармонично-идиллический мир, в котором живут Белокопытов и его семья. Смерть отца, продажа усадьбы и земли, уход героя в город – все это свидетельствует о подрыве поэтической идиллии.

При внимательном наблюдении можно обнаружить, что пространство перемещается из периферии в центр: деревянная усадьба – городская квартира в Пскове – Петербург. Вместе с разрушением идиллического пространства происходит разрушение циклической ритмичности времени, имеется в виду прерывание семейной линии, отсутствие преемственности поколений, это воплощается в распаде семьи. Так, в семейном общении важны любовь, поддержка, понимание, принятие и преданность. И тем более они ценны, когда семейная идиллия может нарушиться в любой момент. Так и происходит в повести «Люди». Спокойная жизнь дает трещины, когда Белокопытов испытывает сильное психологическое напряжение, депрессию, стыд и беспокойство перед женой. Молчание становится сигналом дисгармонии в отношениях супругов.

Важную часть идиллического пространства сентиментализма составляет пейзаж природы, она тесно связана с «вниманием к человеческой личности, ее внутреннему миру» [Кочеткова 1994, с. 207]. Картина природы становится «пейзажем души» [Сухих 2018, с. 160] и проекцией душевного состояния героя. Природа

¹ *Зощенко Мих.* Сентиментальные повести // Зощенко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Время, 2008. С. 312.

также выполняет функцию катарсиса и просвещения. Для сентиментального героя возвращение в природу обычно является идеальным выходом к покою. Эта семантика у Зощенко сохраняет свою литературную ассоциативность, но писатель смотрит на нее с другого ракурса.

Он долго шел *унылым механическим шагом...* Вся полянка была изрыта старыми, оставшимися от войны окопчиками, землянками и блиндажами. Ржавая колючая проволока висела клочками на небольших кольях... И *лежал долго*, уткнувшись ничком, *теребя руками траву...*².

Здесь значим не объективно-изобразительный пейзаж, а психологический, он с деталями отражает пессимистические эмоции Белокопытова: отрешенность, апатию, уныние. Природа лишена силы катарсиса, возвращение героя в природу переключается с парадоксальным мотивом «мертвенного покоя», достигнутого «ценой отказа от собственных желаний или ценой страданий другого» [Жолковский 1999, с. 167].

Разрушение идиллии

М.М. Бахтин отметил две ситуации, с которыми сталкивается герой при противопоставлении обреченной на гибель идиллии и «большого» мира: 1) *самовоспитание и адаптация к новым общественным отношениям*; 2) *самоуничтожение*, см. [Бахтин 1975, с. 382–383].

«Сентиментальные повести» в основном примыкают ко второй линии. Речь идет о ломке идиллического хронотопа, разрыве со всеми старыми идиллическими связями. Герои Зощенко склонны к философской рефлексии, затягивающей их в трясины бессилия сознания и действия. В сентиментализме предложен штамп преодоления экзистенциальной раны путем перемещения хронотопа: «Трагичность первичного события (основного в сюжете) снималась или смягчалась переводом в иную временную плоскость», распадением «сюжета на прошлое (чаще всего счастливое) и настоящее – будущее (время после случившегося несчастья)» [Иванов 1996, с. 125]. Эта традиция получила продолжение у Зощенко. В повести «Люди» противопоставлены два хронотопа – городской и природный. В первом художественное время хронологично,

² Зощенко М. Указ. соч. С. 77.

растягивается путем описания социальных изменений и событий. Во втором природном хронотопе время календарно, циклично, сжимается путем показа статичных деталей (окопчиков, землянок, блиндажей, проволоч), символизирующих память о прошлом. Переживая экзистенциальное горе в городе, герой ищет покой в природе. Переход от городского пространства к природному осуществлен посредством движений Белокопытова между городской квартирой и землянкой.

Отсюда возникает вопрос: почему автор воспроизводит процесс разрушения идиллического мирка сентиментализма, с какой целью цитирует элементы сентиментализма? Можно предлагать несколько объяснений.

Экзистенциальные эмоции интеллигентов изображает Зощенко именно для показа реальной проблемы, нормальной духовной эволюции личности в переломе истории: в жестокие эпохи нет выхода для интеллигентов сентиментального типа, как отмечает И.Н. Сухих: «“Сентиментальные повести” свидетельствуют о том, что всякие “сантименты” кончились. Наступила жестокая эпоха выживания»³.

Зощенко в письмах к писателю писал: «Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов»⁴. В образах интеллигентов в большей или меньшей мере сквозит личная боль писателя. Под давлением перемены истории и неотвратимости судьбы, психологическое бессилие, потерянности, беспомощность интеллигентов очевидно реальны. Их чувства и мысли отражают чувства самого писателя, в этом смысле оттенок пародии снижается, а сочувствие к интеллигентам увеличивается.

Итак, «Сентиментальные повести» в целом есть *вариация* на претексты сентиментализма. *Зощенко варьирует мотивные, сюжетные ситуации, переносит их в свою современность, чтобы продемонстрировать огромные различия между двумя эпохами.*

Антиидиллия/антиутопия

В «Сентиментальных повестях» тема разрушения идиллии еще имеет некий *антиутопический оттенок*, точнее говоря, антиидиллический оттенок, проявленный в аспектах «личности и общества», «техники и искусства».

³ Зощенко М. Разнотык // Зощенко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Время, 2008. С. 17.

⁴ Зощенко М. Сентиментальные повести. С. 407.

Е.Ю. Козьмина замечает, что одной из разновидностей роман-антиутопии является «антиидиллическая» [Козьмина 2012, с. 65]. В.С. Рабинович писал о творчестве Олдоса Хаксли:

Антиутопическая линия в творчестве Хаксли 1920–1930-х годов неразрывно связана с его агностически-пессимистической концепцией мира, с его идеей невозможности познания объективной действительности вообще и объективной основы любой ценности в частности [Рабинович 2017, с. 203–204].

Наблюдения исследователей расширяют круг нашего исследования, делают гипотезу частично теоретически обоснованной.

Каждая «сентиментальная повесть» строится как книга судьбы: в ней есть и жизнеописание героя, и предрешенность его гибели, и фатальная неудача, и роковые обстоятельства. Роковые обстоятельства создаются безвыходностью отношений героя с обществом [Белая 1995, с. 9].

Можно смотреть на проблему «личности и общества» с философской точки зрения: «Я» и «Чужой». Фабула повестей («Аполлона и Тамары», «Людей», «Мишеля Синягина») выстроена как цепь побегов героев от «жестокой» действительности, полной любовных и семейных катастроф, в безопасный мир идиллии. Однако налицо и темная линия: бегство героя от дробления личности, от «Чужой» – к «Я».

Дробление личности проявлено в мотиве двойничества, как отмечает О.А. Носырина, «с героем Зоценко происходит “голядкинское” раздвоение личности...» [Носырина 2008, с. 235]. Аполлон, Белокопытов, Мишель – это «лишние» интеллигенты «выпавшие из социальной системы, не находящие себе места в жизни», они как бы «неживые люди» [Кадаш 1995, с. 37], характеризующиеся потерей чувства реальности, безжизненностью. Показанные жалкими, ничтожными, как и Голядкин, герои неспособны выдержать социальный отбор. В них одновременно обнаруживается звериное начало. В музыке Аполлона был «какой-то ужасающий, бесовский рев животного»⁵, Белокопытов «боролся с собакой, пытаясь руками разорвать ей пасть»⁶, Мишель как «волк, бегал по своей комнате, кусая и грызя свои ногти»⁷.

⁵ Зоценко М. Сентиментальные повести. С. 83.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 312.

«Потерявший человеческий облик» [Томашевский 1990, с. 66], точнее говоря, потерявший свою человечность герой защищается прямолинейно и примитивно, ведь “survival of the fittest” – выживает наиболее приспособленный. Парадоксальное сочетание у героя «неживых» и животных черт – результат душевной травмы от заброшенности в чужом жестоком мире и страха перед ним.

Герой переживает *Entfremdung* (философия отчуждения) равнодушие, разобщенность и отсутствие отношений с самим собой и с миром, мир представляется ему чужим, где он превращается в пассивный субъект, находящийся во власти неведомых сил. Например, Белокопытов либо идет по пути «саморазрушения», либо ведет пещерный образ жизни, вроде бы возвращаясь к исходному состоянию человечества. Это напоминает «материнскую метафору» Замятина – образ пещеры, означающий «идею возврата в каменный век» [Джулиани 2014, с. 783]. Ситуацию отчуждения личности можно назвать проблемой конфликта человека и общества, когда трудно сохранить целостность личности при разных эпохах, герой находится в «двомирии», переживает двойное бытие, в одном из которых мир предстает чужим, полным случайности, непредсказуемости, безнадежности, в другом – мир идиллический, без изменений и родной.

Д.С. Мережковский писал о героях Гончарова:

При смене двух исторических эпох являются характеры, принадлежащие той и другой, не цельные, раздвоенные. Их убеждения, верования принадлежат новому времени; привычки, темперамент – прошлому. Побеждает в большинстве случаев не разум, а инстинкт; не убеждения, а темперамент⁸.

С той же ситуацией сталкиваются интеллигенты Зощенко, которые не в силах распрощаться с памятью прошлой эпохи, так же как Мишель в новую эпоху сохраняет старые дворянские привычки и сентиментальный темперамент. Перевоспитание и приспособление не происходят за один день, это требует длительной психологической перестройки.

Еще одна тема антиутопии – «сохранение огромного интеллектуального и нравственного богатства земной цивилизации» [Быстрова 1996, с. 6] – прямо выражена писателем: «Сентиментальные повести» – это произведение

⁸ Мережковский Д.С. Вечные спутники. СПб.: Наука, 2007. С. 205.

...о крушении всевозможных философских систем, о гибели человека, о том, какая, в сущности, пустяковая вся человеческая культура, и о том, как нетрудно ее потерять. Это будет повесть о крушении идеалистической философии⁹.

Волнение Зоценко за эволюцию человеческой цивилизации изображается в повести «Страшная ночь», в которой есть мысль о гибели старой культуры:

...будто вся-та наша жизнь и весь расцвет нашей культуры есть не что иное, как междуледниковый период. ...до нас существовала какая-то жизнь и какая-то высокая культура, и после она стерлась. А теперь опять расцвет, и опять совершенно все сотрется¹⁰,

и опасение за то, что через пятьсот лет мамонт уничтожит авторскую рукопись, символизирующую продукт цивилизации. В «Пещере» Замятина «мамонт воплощает непосредственное ближайшее будущее», у Зоценко «земля вновь превратится в пастбище мамонтов» [Джулиани 2014, с. 786]. Образ мамонта ассоциируется с исходной точкой цивилизации человечества.

В контексте строительства государства и стремления к практической технике Зоценко выражает предупреждение о необходимости считаться с натурой человека, о потенциальной опасности превращения человека в узкого специалиста, об угрозе «поэтапной ликвидации культуры и искусства» [Синявский 2015, с. 877]. Писатель озабочен прагматическими отношениями человека к культуре в эволюционном обществе и тем, что в будущем человеческие ценности будут реализованы лишь в технике: «Как же это, брат, без рукомесла-то жить?»¹¹.

Заключение

В заключение отметим, что Зоценко воспроизводит идиллический мир, в котором границы хронотопа, преемственность поколений и образ идиллически-семейных отношений были разрушены в поворотный момент истории. Вариация на тему сентиментализма, во-первых, направлена на демонстрацию огромного различия между старым и новым временами. Во-вторых, выражает заботу

⁹ Зоценко Мих. Сентиментальные повести. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 38.

автора о будущем государства посредством разрушения идиллии. Вера в революцию сочеталась в Зощенко с опасением, что человек односторонне стремится к техническому развитию, которое, если обособить его от духовной составляющей общества, обесценивает культуру и развитие человечества.

Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- Белая 1995 – *Белая Г.А.* Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 4–13.
- Быстрова 1996 – *Быстрова О.В.* Русская литературная антиутопия 20-х гг. XX в. Проблемы жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 18 с.
- Джулиани 2014 – *Джулиани Р.* «Пещера» Е. Замятина: история и апокалипсис // Е.И. Замятин: pro et contra: Антология. СПб.: РХГА, 2014. С. 780–790.
- Жолковский 1999 – *Жолковский А.К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999. 392 с.
- Иванов 1996 – *Иванов М.В.* Судьба русского сентиментализма. СПб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1996. 336 с.
- Кадаш 1995 – *Кадаш Т.В.* «Зверь» и «неживой человек» в мире раннего Зощенко // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 36–38.
- Козьмина 2012 – *Козьмина Е.Ю.* Поэтика романа-антиутопии: На материале русской литературы XX века. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2012. 187 с.
- Кочеткова 1994 – *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 288 с.
- Носырина 2008 – *Носырина О.А.* «Люди» М.М. Зощенко и «Бедные люди» Ф.М. Достоевского: К вопросу о литературных связях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 233–238.
- Рабинович 2017 – *Рабинович В.С.* Олдос Хаксли: эволюция творчества. М.: Флинта, 2017. 448 с.
- Синявский 2015 – *Синявский А.Д.* Мифы Михаила Зощенко // Мих. Зощенко: PRO ET CONTRA. Личность и творчество М.М. Зощенко в перекрестье мнений (1915–2009): антология СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 861–879.
- Сухих 2018 – *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, 2018. 544 с.
- Томашевский 1990 – *Томашевский Ю.В.* Вспоминая Михаила Зощенко. Л.: Худож. лит., 1990. 512 с.

References

- Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics], Khudozh. lit., Moscow, Russia.
- Belaya, G.A. (1995), “Existential Problematics of Creativity Work”, *Literaturnoe obozrenie*, no. 1, pp. 4–13.
- Bystrova, O.V. (1996), *Russian literary dystopia of the 20s. 20th century. Issues of the genre*, Abstract of PhD dissertation, Moscow, Russia.
- Dzhuliani, R. (2014), “E. Zamyatin’s The Cave. History and Apocalypse”, *E.I. Zamyatin: pro et contra, antologiya* [E. Zamyatin. Pro et contra. Anthology], RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 780–790.
- Ivanov, M.V. (1996), *Sud’ba russkogo sentimentalizma* [The fate of Russian sentimentalism], FKITs “EIDOS”, Saint Petersburg, Russia.
- Kadash, T.V. (1995), “ ‘Beast’ and ‘inanimate man’ in the world of early Zoshchenko”, *Literaturnoe obozrenie*, no. 1, pp. 36–38.
- Kochetkova, N.D. (1994), *Literatura russkogo sentimentalizma. Esteticheskie i khudozhestvennyye iskaniya* [Literature of Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic search], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Koz’mina, E.Yu. (2012), *Poetika romana-antiutopii: Na materiale russkoi literatury XX veka* [The poetics of the dystopian novel. On the material of Russian literature of the 20th century], Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva, Ekaterinburg, Russia.
- Nosyrina, O.A. (2008), “Zoshchenko’s ‘People’ and ‘Poor People’ by F.M. Dostoevsky. On the question of literary ties”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 69, pp. 233–238.
- Rabinovich, B.C. (2017), *Oldos Khaksl: evolyutsiya tvorchestva* [Aldous Huxley. The Evolution of His Creative Career], Flinta, Moscow, Russia.
- Sinyavskii, A.D. (2015), “Mify Mikhaila Zoshchenko”, *Mikh. Zoshchenko: Pro et contra, antologiya* [Mikh. Zoshchenko. PRO ET CONTRA. The Personality and Work of M.M. Zoshchenko in the Crossroads of Opinion (1915–2009). Anthology], Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, Saint Petersburg, Russia, pp. 861–879.
- Sukhikh, I.N. (2018), *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vsekh* [Structure and meaning. Theory of Literature for everyone], Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Tomashevskii, Yu.V. (1990), *Vspominaya Mikhaila Zoshchenko* [Remembering Mikhail Zoshchenko], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, Russia.
- Zholkovskii, A.K. (1999), *Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko. The Poetics of Mistrust], Yazyki russkoi kul’tury, Moscow, Russia, 392 p.

Информация об авторе

Бао Тинтин, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; btt4896@gmail.com

Information about the author

Bao Tingting, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; btt4896@gmail.com